

рений я не очень уважаю, но чтоб не поднять всю ораву школ на себя, переменяю, несколько только касаясь» (VI, 340). «Педантские разделы лирических стихотворений» еще сильнее, чем «набор слов... скропанный по школьным одним правилам». Если бы Державин заявил нечто подобное публично, он действительно поднял бы против себя «ораву школ», ибо жанровые перегородки окончательно рухнули только в поэзии зрелого Пушкина.

По совету Евгения Болховитинова Державин смолчал о своей нелюбви к «педантским разделам», но он подготовил почву для их крушения, отнеся к одам и баллады, и романсы, и стансы, и песни, категорическим утверждением, что похвалы должны сопровождаться «аттической силою нравоучения или сатиры», практическим воплощением этого тезиса в одах, разрушивших привычные взгляды на жанры и на обязательное для классицизма единство слога. В ненапечатанной части «Рассуждения» сохранилась и теория «смешанной оды», целиком оправдывающая систему державинских од.

Пересмотр вопроса о жанровом делении, отказ от обязательного подражания образцам, признание поэтической индивидуальности — «У каждого гения есть своя собственность» — расшатывают и представление о такой незыблемой в классицизме категории, как единство вкуса. Державин не делит вкуса на «правильный» и «неправильный», что сохраняется у Баттё, и оставляет за читателями и критиками право судить произведения по собственному вкусу, возражая лишь против категоричности приговора. «Кто дал право на этот диктаторский тон?» — сердито спрашивал он по поводу отрицательного отзыва В. Измайлова о драме молодого писателя Н. Ильина «Великодушие или Рокрутский набор» (VI, 154).

Сам Державин не претендовал на роль законодателя вкуса и не оставался неизменным в суждениях. Так, в конце 1790-х годов он, признавая достоинства Шиллера («Много ума, много знания и много прекрасных стихов»), назвал великого поэта «холодным стихотворцем», сказал, что не прочел «ни единой пьесы без скуки... Столь-то разнообразны и странны вкусы человеческие» (III, 495).

Грот заметил, что это впечатление понятно: «Романтизм не мог понравиться поэту, который по духу был в полнейшем смысле классиком» (III, 495). На первый взгляд, это объяснение правдоподобно, ибо Державин противопоставил стихам Шиллера «пиндаров огонь, который, подхватив, с собою возносит», и Горация, «который вместе щекотит, учит и услаждает». Однако речь идет о произведении Шиллера периода веймар-